

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЗНАЧЕНИЯ

Категория значения и анализ способов его выражения в языке становится тем главным, что изучают в настоящее время почти все лингвисты, независимо от уровня языка, будь он даже фонетический. Взгляд на язык, на языковую деятельность как на общественный феномен, как на социальную практику личностей в их социально-исторической обусловленности – взгляд, который направлен на преодоление восприятия языка как абстрактной структуры, поддающейся логическому исчислению, когда стирается разница между естественно-историческими языками и искусственными, – такова сегодняшняя ситуация в языкознании. Проблема возможности коммуникации между двумя и более индивидами посредством языка постоянно находится в центре внимания лингвистов. Одни ученые понимают языковое значение не как сущность, а как действие, деятельность, работу человека со знаком, что порождает ироническое отношение ко всем тем, «кто видит в языке больше, чем в нем есть, излишне доверяет языку, предпочитает возвышенно-сущностный, а не орудийный подход к нему»¹. Другие рассматривают язык как живую субстанцию, развивающуюся независимо от воли человека. «В одних концепциях язык становится не просто “зеркалом”, а даже “домом” бытия, своей семантической толщей загораживая или подменяя реальность, а в других – утончается до истертой марки, сигнала, стимула, намека, исполняющего скромную функцию, которая в романских языках обозначается труднопереводимым глаголом *evocare* (что-то вроде “возбуждать в представлении” или “воскрешать в памяти”»².

У каждого века грамматика является продолжением его философии. В средние века пытались строить грамматику на основе философии, и до конца XVIII в. всеобщая грамматика была всего лишь продолжением логики. В XIX в. на психические и социальные факты был распространен метод наблюдения над фактами, применявшийся в физических и естественных науках начиная с эпохи Возрождения, вследствие чего грамматика каждого языка стала представляться в виде некоей совокупности фактов.

Н. Хомский в работе «*Language and problems of knowledge. The managua lectures*» указывает, что «для современной лингвистики он

¹ Де Мауро Т. Введение в семантику. М., 2000. С. 11.

² Там же. С. 12.

считает наиболее актуальными следующие вопросы: 1) что представляет собой знание языка, что существует в сознании/мозгу (mind) говорящего на английском, испанском или японском языке; 2) как возникает эта система знаний в сознании/мозгу; 3) как эта система используется в речи (или вторичных системах, таких, как письмо); 4) каковы физические механизмы, используемые в качестве материально базы для этой системы знаний и для их применения?»¹.

Таким образом, и здесь им фиксируются проблемы, относящиеся к **внутреннему** устройству языка, к организации **сознания**, к системе языковой способности и даже ее **физическому** (т.е. биологическому) оснащению. Релевантность таких проблем не означает все же их релевантности для исследовательской деятельности лингвистики. Логично тогда спросить, а какая же научная дисциплина может справиться с поставленными выше вопросами? Некоторые лингвисты склонялись к тому, что соответствие формы и содержания столь совершенно и столь совершенным образом гарантировано, что становится непонятным, как восприятие формы позволяет слушающему дойти до «неповторимого содержания», и отвечают на этот вопрос так: как каждый может убедиться, люди живут и действуют в Боге, с Божьей помощью они могут преодолевать те трудности, которые наверняка встали бы перед ними в процессе общения, если бы они жили и действовали вне Бога. В этом ответе заключен глубокий смысл, который не сразу открывается. Ведь по-настоящему люди начинают понимать друг друга, действительно, только придя к Богу. В противном случае людям только кажется, что они при общении понимают друг друга, а в итоге слова трактуются по-разному говорящим и слушающим, отсюда драматизм и трагичность, столь часто сопровождающие общение людей. Но как бы не отвечать на этот вопрос, ясно, что от одной лингвистики ответы получить не удастся. Возможно, что именно когнитивная наука со своим интердисциплинарным характером и должна включить подобные вопросы в свою программу.

Поставленные Н. Хомским вопросы являются традиционными и основополагающими в развитии учений о языке. Все они связаны с вопросом, что такое значение и как оно репрезентируется языком. Тулио де Мауро дает приблизительное определение значения – «это то, о чем сообщает знак»². Но здесь же возникает вопрос, а что такое языковой знак? Значению давались и более сложные определения, например, «значение – это “энграмма” или “отложение в памяти”, “экспрессивное содержание или же “объективный (вещный) референт”»

¹ Chomsky N. Language and problems of knowledge. The Managua lectures/ New York, 1988.

² Де Мауро Т. Указ. соч. С. 21.

и т.п.¹. Определения значения столь многочисленны, но, тем не менее, даже в наиболее специализированных определениях не удается избежать того, что классы сущностей, которые называются «энграммами», или «отложениями в памяти», или «вещным референтом», всегда оказываются слишком широкими. Они представляют собой как бы роды, а значение является по отношению к ним видом, т.е. между ними гипонимические отношения. «Энграммы», т.е. следы, оставляемые в памяти внешними стимулами, бесчисленны. Необходимо сузить определение и сказать, что значение – это «энграмма», ассоциируемая с языковым знаком. Следовательно, обычное определение значения не может быть дано без предварительного определения знака. Определение знака в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дается следующее: «Знак языковой – материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности. Знаки языковые образуют особого рода знаковую систему – язык. Знак языковой представляет единство определений. Мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчлененных звуков (означающего). Две стороны знака языкового, будучи поставлены в отношение постоянной опосредованной сознанием связи, составляют устойчивое единство, которое посредством чувственно воспринимаемой формы знака, т.е. его материального носителя, репрезентирует специально приданное ему значение; только в единстве и взаимосвязи двух сторон знак языковой сознанием «схватывается», а знаком обозначается и выражается определенный «кусочек действительности», вычлененные факты и события»².

Впервые единство означающего и означаемого постулировал Фердинанд де Соссюр. По мнению Соссюра, пытаясь ухватить значение, мы неизбежно получаем в руки знак, а пытаясь ухватить знак, замечаем, что у нас в руках значение. Нужно отказаться от взгляда на знак как на значащую форму, наделенную неким значением, и перестать рассматривать значение как некую сущность, на которую указывает означающее. Вместо этого необходимо рассматривать знак как неразрывное единство означающего и означаемого, понятия и акустического образа. Чтобы лучше пояснить это неразрывное единство, Соссюр прибегает к сравнению: означающее и означаемое, понятие и акустический образ, *pense* «мысль» (то есть психическая деятельность в целом) и внешняя, акустическая форма подобны двум сторонам одного листа бумаги; одна не существует без другой, разрезая одну сторону, мы разрезаем и другую. Однако в дальнейшем

¹ Там же. С. 22.

² Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Сов. энциклопедия», 1990. С. 167.

определение знака как синтеза означаемого и означающего мало что давало для объяснения, как два человека могут понять друг друга. История лингвистической мысли, начиная с Античности и до начала XX в., сталкивается с дилеммой: или общение возможно лишь в мистическом плане, как общение душ с Богом, или есть такие механизмы в процессе создания речи, в процессе общения, которые делают возможным понимание людей при акте общения. История лингвистических учений XX века вся направлена на поиск этих механизмов, поскольку легче согласиться с очевидным, чем предположить, что «очевидное» все-таки кем-то допущено. А «очевидное» состоит в том, что имплицитно присутствует в поведении бесчисленного числа человеческих существ, которые с тех пор, как человек стал человеком, ежедневно общаются друг с другом и друг друга понимают. К таким взглядам пришли в своих работах и поборники некоммуникабельности. К таким же взглядам пришла и часть представителей европейского и американского общего языкознания. «Наша многовековая традиция почти всегда упускала из виду, что в действительности формы языка вовсе не наделены какими-либо внутренними семантическими свойствами, – они всего лишь более или менее хитроумные орудия, приспособления, лишенные жизненности и ценности, если не находятся во владении человека и исторической общности людей, которые ими пользуются. Иными словами, ошибка кроется в утверждении того, что слова и предложения что-то означивают; означивают только люди, используя слова и предложения. Не в самих языковых формах, а в обществе, которое ими пользуется, следует искать гарантию успешной означивающей и коммуникативной деятельности»¹ «В целом можно сказать, что из когнитивных возможностей разума и бесчисленных и разнообразных моментов нашей аффективной жизни языковой системе удастся закрепить в семантической ценности знаков лишь чрезвычайно ограниченное их количество. Верно, что обобщающий характер знака и бесконечные комбинации связей, в которых значение получает более точное определение, оказывают огромную помощь тому, кто умеет ею воспользоваться, но при всем при том реальная действительность во всей ее полноте по сути дела остается невыразимой. Дело в том, что языковой знак – всего лишь сигнал, намек... При спокойном рассмотрении символ обнажает свою природу приема, средства, сколь угодно хитроумного, но всегда лишь средства»². Положение о том, что слушающий, воспринимающий речь наделяет определенным значением произносимые говорящим фразы и составляющие их формы в той мере,

¹ Де Мауро Т. Указ. соч. С. 31.

² Pagliaro A. Linguaggio conoscenza doro lide alisto // De homine, 7-8, 1963. Whorf B. Language, Phoyght and Reality. New York – London, 1958. P. 310.

в какой принадлежит к тому же коллективу, что и говорящий, в какой прошел через тот же культурно-языковой тренинг, становится общепризнанным в XX веке.

В середине 50-х гг. XX в. в научной парадигме произошли радикальные перемены, ознаменовавшие собой переход от прежней структуралистской парадигмы к новой – трансформационно-генеративной, которая позднее получила название генеративной или порождающей грамматики. Период перемен связан непосредственно с именем Н. Хомского, который писал: «Когнитивная революция относится к состояниям разума/мозга и тому, как они обуславливают поведение человека, особенно – когнитивным состояниям: состоянием знания, понимания, интерпретацией, верований и т.п. Подход к человеческому мышлению и поступкам в этих терминах делает психологию и такой ее раздел, как лингвистика, частью естественных наук, занимающихся природой человека и ее проявлениями и в первую очередь – мозгом»¹.

Как правило, называют семь черт, определивших новую, хомсканскую, парадигму научного знания и важных для методологии науки: 1 – провозглашение приоритета гипотетико-дедуктивного подхода к предмету исследования взамен чисто индуктивных методов его анализа; 2 – положения о творческом, деятельном, креативном характере деятельности человека с языком и необходимости изучать эту сторону деятельности во всех ее проявлениях; 3 – помещение в центр лингвистических исследований той сферы языка, где креативный характер деятельности ощущается особенно ярко – синтаксиса – и выдвижение теории автономного синтаксиса как модуля, независимого от других модулей; 4 – рассмотрение языка как феномена ментального, феномена человеческой психики и сознания, его разума и мозга, как особой когнитивной способности, имеющей врожденный характер; 5 – постулирование необходимости исследования не внешних, экстерниоризированных проявлений языка, но языка как интериоризированной способности, внутренне существующей системы ментальных репрезентаций языкового знания со своими специфическими единицами и правилами; 6 – требование рассматривать формальные свойства постулируемых модулей, характеризующих внутреннее строение языка, причем как универсальные (принципы), так и специфические для отдельных языков (параметры с их незначительным варьированием возможностей); 7 – выделение в качестве особой теоретической проблемы вопроса о когнитивном развитии ребенка и усвоении им языка. Правила, в основном, складывались из наблюдений над усвоением языка детьми:

¹ Chomsky N. Linguistics and adjacent Fields: a personal view // The Chomskyan turn. Cambridge (Mass.), 1991. P. 4-5.

складывалось впечатление, что дети каким-то единообразным способом приходят к овладению своим родным языком и что этот универсальный «алгоритм» овладения языком состоит во введении новых правил во внутреннюю грамматику ребенка. Обобщая эти наблюдения, пришли к выводу о том, что эти правила очень похожи на все, что управляет и неречевыми видами деятельности, придает им продуктивность и выглядит иногда как произвольное, неконтролируемое поведение, отражаясь на структуре восприятия, памяти и даже на эмоциях.

Н. Хомский подводит итог лингвистических учений в книге «Язык и мышление», предваряя ее следующим замечанием: «Какой вклад может внести изучение языка в наше понимание природы и человека?». И далее на протяжении всей книги размышляет над этим вопросом, который, в конечном итоге, интересует всех исследователей языка. Автор подразделяет историю лингвистических учений на три периода: прошлое, настоящее и будущее – и дает оценку этим периодам в соответствии со своими взглядами – генеративиста. Иногда эти воззрения проявляются в резко негативных оценках предшественников, например, творческого наследия Ф. де Соссюра: «... существовало две действительно продуктивных исследовательских традиции, которые, несомненно, имеют большое значение для каждого, кто занимается изучением языка в наши дни. Одна из них – это традиция философской грамматики, которая процветала, начиная с семнадцатого столетия, на протяжении периода романтизма; вторая – это традиция, которую я несколько неточно назвал «структуралистской» и которая преобладала в исследованиях в течение последнего столетия, по крайней мере, до начала 1950-х годов. (1-ые – картезианцы (Кордемуа (развивающий теорию Декарта, Ла Форж) – «философская грамматика» по Хомскому, (2-ые – «убогая и совершенно неадекватная концепция языка, выраженная Уитни и Соссюром и многими другими (н. Дельбрюк)» – структуралистская и дискриптивная¹.

В девятнадцатом и двадцатом столетиях, когда лингвистика, философия и психология делали попытки пойти разными путями, классические проблемы языка и мышления неизбежно возникли снова и послужили связующим звеном между этими расходящимися областями и фактором, придавшим их усилиям смысл и определенное направление.

Мы знаем, что грамматики, которые конструируются в действительности, лишь слегка варьируются среди носителей одного и того же языка, несмотря на широкие вариации не только в умственных способностях, но также в условиях, при которых усваивается язык. «Как члены определенной культуры, мы, естественно, знаем о больших различиях в способностях использовать язык, в знании словаря и так

¹ Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Моск.ун-та, 1972. С. 32-33.

далее, природных способностях и от различий в условиях усвоения; ... мы находим, что сходства, считающиеся само собой разумеющимися, четко выражены и что расхождения немногочисленны и носят периферийный характер. Более того, мы обнаруживаем существенную систему принципов, которые не меняются от языка к языку даже в случае, если эти языки, насколько нам известно, совершенно не родственны»¹.

О.Б. Власова

ПРЯМАЯ МОТИВАЦИЯ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРЕ

Семантическую мотивацию в словообразовательной паре называют *п р я м о й*, если семантика производного формируется на базе прямого номинативного значения производящего. К примеру, прямое значение существительного *глухарь* 'крупная промысловая птица из семейства тетеревиных' мотивирует узуальное прилагательное *глухаринный*.

В количественном отношении возможны два варианта прямой мотивации узуальных слов. Во-первых, дериват может быть мотивирован одним из значений многозначного производящего. Например, существительное *побасёнка* 'короткий занимательный рассказ, анекдот, а также выдумка, сказка' семантически мотивировано вторым значением существительного *басня* 1) 'короткий нравоучительный рассказ', 2) 'вымысел, выдумка, пустой разговор'.

Во-вторых, дериват может быть мотивирован двумя значениями производящего. Например, каждое из двух прямых номинативных значений прилагательного *башенный* 1) 'относящийся к постройке: *башенная крыша*', 2) 'относящийся к орудию: *башенный танк*' мотивировано соответствующим значением существительного *башня* 1) 'высокое и узкое архитектурное сооружение', 2) 'вышка для орудий на судне, танке'. Мотивацию такого рода назовём узуальной внутрисловной мотивацией. При внутрисловной мотивации каждое из значений многозначного деривата мотивировано соответствующим значением многозначного производящего.

Прямая мотивация может быть периферийной и непериферийной.

О н е п е р и ф е р и й н о й мотивации говорят, если значение производного слова полностью обусловлено значениями компонентов словообразовательной структуры, например: *дом - домик*, *лесостепь - лес и степь*. *П е р и ф е р и й н у ю* мотивацию выделяют, если

¹ Хомский Н. Указ. соч. С. 89.